

ления в почву, а ниже, при описании поселка близ с. Быстрая, отмечены землянки, открытые В. П. Левашевой. В упрек автору можно поставить отсутствие анализа писаниц, которые широко используются им при характеристике хозяйства и военного дела.

В заключение отмечу некоторые повторения. Так, касаясь связей таштыкской и кыргызской культур, установленных, в частности, на основе пластинок с изображением голов животных, автор говорит об этом на 6, 11 и 21 страницах.

В целом рецензируемая работа представляет не только публикацию археологического материала, но и его историческую оценку. Автор восстановил хозяйство, быт древних кыргызов и дал характеристику культуры различных общественных слоев древнехакасского общества. Ценны материалы, показывающие высокую земледельческую технику и развитие ремесла у хакасов VII—IX вв. Интересны приведенные данные о прекрасных произведениях местного прикладного искусства.

Изданием этой книги Хакасский научно-исследовательский институт сделал достоянием широкой научной общественности большой материал, характеризующий высокую культуру предков одного из народов СССР.

А. П. Смирнов

Мухтар Ауэзов. *Абай*. Гослитиздат, 1948.

Казахская письменная литература молода. Первое стихотворение на казахском языке «Жаз» («Лето») Абая было опубликовано в 1889 г., первый казахский роман «Қалым» Аспандиара Кубеева вышел из печати в 1913 г. Роман, рассказ, повесть и многие стихотворные жанры возникали в казахской литературе на основе лучших традиций передовой русской культуры. Но условия колониального режима, установленного царизмом в среднеазиатских степях, стесняли и замедляли развитие молодой казахской литературы. Только после Великой Октябрьской революции расцветает она вместе с литературами других ранее угнетенных народов нашей родины. Казахские советские писатели идут в передовых рядах строителей социалистической культуры. После постановлений ЦК по идеологическим вопросам ими созданы такие высоко значимые познавательные произведения, как «Абай» Мухтара Ауэзова, «Миллионер» Габиден Мустафина, «Сыр-Дарья» Сабита Муканова. Они заслуженно получили высокую оценку нашей общественности. Роман Мухтара Ауэзова «Абай», который гордится вся советская литература, удостоен сталинской премии.

С 1923 г. Мухтар Ауэзов начинает собирать материалы о жизни Абая и стихи поэта. Он многократно объезжает окрестности Чингиз-Тау (теперешний Абаевский район Семипалатинской области), где кочевал аул Абая.

«Именно в эти годы (1923—1925), — вспоминает Ауэзов, — я встречал людей, непосредственно знавших героя моего будущего романа.

До сих пор в моей памяти живы беседы с учеником Абая Кокпаем. В частности Кокпай дан мне материал для главы, посвященной Балкыбекскому съезду.

О Джигитеках, долго враждовавших с Кунанбаем, мне рассказывал старейший представитель этого рода — старик Мадияр. Много материалов передал мне сосед и друг Абая Куранжан.

Знаменитый сказочник Баймагамбет, к счастью для нас, прожил долгую жизнь. Еще в детстве я слышал рассказы, многие из которых сказочник запомнил со слов самого Абая¹.

Сбор сведений об Абаяе Ауэзов сочетал с собиранием фольклорных и этнографических материалов в тех же районах Семипалатинской области. Среди казахских литературоведов немного таких знатоков народного быта и фольклора Центрального и Северо-Восточного Казахстана, как Ауэзов.

Вклад, внесенный им в изучение жизни и творчества Абая, стал основой новой отрасли литературной науки — абаеведения. В 1933 г. Ауэзов участвует в подготовке к изданию «Толық жыйнағы» — полного собрания сочинений Абая. В этом издании Ауэзову принадлежит биография Абая. С 1934 г. Ауэзов публикует ряд статей о жизни и творчестве Абая в журналах «Литературный Казахстан», «Эдебиет Майданы», «Эдебиет жане искусство»².

Роман об основоположнике казахской литературы Ауэзов задумал давно. С 1939 г. им была начата публикация текста романа на казахском языке, но автор не оставлял работы до 1948 г., когда читатель получил законченную книгу. В про-

¹ Как создавалась эта книга, Беседа корреспондента «Казахстанской правды» с М. Ауэзовым, «Казахстанская правда» от 17/IV 1949 г., стр. 3.

² М. Ауэзов, Абай — казахский классик, «Лит. Казахстан», 1935, № 2; М. Ауэзов, Абай ақындығының сейналасы, «Эдебиет майданы», 1934, № 11—12; М. Ауэзов, Абайдың идеалық мәдені ісденулері. «Эдебиет жане искусство», 1939, № 7, и многие другие статьи в 40-х годах.

цессе работы роман прошел несколько авторских редакций. Это плод многолетнего упорного труда всей сознательной жизни писателя и лучший показатель его идейного и художественного роста.

Роман охватывает события, происходившие в родах племени Тобыкты с 1858 по 1887 г. Автор рисует жизнь этих родов в пореформенных условиях. Действие разворачивается в родовых кочевьях Тобыкты, в Семипалатинске и Каркаралинске.

Герой романа Абай живет в условиях кочевого патриархального быта, он повседневно соприкасается с широкими слоями казахского народа. Жизнь его наполнена неустанным приобретением знаний и передачей их жадно тянущейся к просвещению казахской молодежи. Народ в романе Ауэзова не составляет «фона» для поэта. У Ауэзова два героя романа — Абай и народ. Отсюда широкий охват событий и эпичность романа. Роман перерастает в эпопею.

Роман истинно народен, так же как народны лучшие образцы нашего советского эпоса. Не обильные фольклорные цитаты, не богатейший этнографический материал и даже не умение творчески перерабатывать фольклорные образы и сюжетные положения составляют народность «Абая». Народно само отношение писателя к изображаемой действительности, выделение им на первое место коллективного героя — народа, показ Абая не столько во внешней бытовой связи с массами, сколько в общности его стремлений, мыслей и чувств со стремлениями, мыслями и чувствами казахского народа, в их единой «борьбе за обновление жизни».

Вспомним великолепную по образности и логичности формулировку А. М. Горького в докладе на Первом съезде советских писателей о совершенстве таких образов фольклора, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович. Горький рассматривает их как результаты многовековой борьбы трудового народа «за обновление жизни»³. Ауэзов делает революционный принцип «обновления жизни» определяющим развитием ведущих образов своего романа. Поэтому его роман дышит той подлинной народностью, без которой немисливо истинно художественное произведение социалистической эпохи.

Сын главы сильного рода Иргизбай, ага-султана, Кунанбай, Абай с детских лет становится свидетелем насилия и произвола. Он видит, как его отец не щадит жизни бедняка Кодара только потому, чтобы создать «повод» для захвата зимовок рода Кодара — Бокенши. Лучшие зимние пастбища рода Бокенши захватывают Кунанбай и его родственники. Кунанбай нарушает законы родового землевладения. Когда представитель рода Бокенши пытается воздействовать на него, ссылаясь на обычное земельное право, закрепленное в народной пословице «власть правителя — над народом; власть народа над землей», Кунанбай надменно отвечает: «Так, по-твоему, правитель должен переселиться на небо? Где сказано, что род Иргизбай не имеет права на зимовки в Чингисе?» (стр. 79).

Кунанбай попирает национальные традиции казахского народа каждый раз, когда они начинают мешать его хищничеству, и наоборот, прибегает к ним, если они ему на-руку. Самые темные и жестокие, пережиточные уже в описываемую эпоху, стороны патриархального быта и обычая помогают ему поработать народ. Если нехватает обычного права, Кунанбай обращается к шариату. Когда вешали Кодара, богатырская жизненная сила его упорно сопротивлялась смерти: старик и с петлей на шее продолжал жить. В толпе растет негодующий ропот: казахское обычное право избегало смертной казни⁴. Тогда Кунанбай приказывает сбросить Кодара с утеса, а затем отдает новое приказание: «Душа его все еще в теле. Чтобы избавиться от проклятого, пусть 40 избранных из 40 родов Тобыкты забросают его труп камнями... Так повелевает шариат. Кидайте!» (стр. 47).

В пренебрежении народными национальными традициями и в тяготении к законам и культуре ислама с особой явственностью обнаруживает себя антинародность и бесчеловечность Кунанбая и его приближенных.

В дореволюционном Казахстане нет единого казахского народа, пережитки идей родовой коллективности не могут скрыть два враждебных лагеря: реакционную кучку феодалов, родовых старшин и царских чиновников и прогрессивную силу — передовые народные массы и их идеологов.

Граница между народным и антинародным проходит в родной семье Абая. По одну сторону ее оказываются Кунанбай, Майбасар, Такежан, волостные и старшины, а также «майыр» Кошкин и либерал Лосовский. По другую — Абай, его бабушка Зере, друзья, среди которых шестидесятник ссыльный Михайлов, ученики Абая и народные массы.

Две России — Россия демократическая и Россия помещиков и фабрикантов столкнулись и здесь, в среднеазиатской колонии русского царизма.

Основой понимания пореформенного периода у Ауэзова является ленинское положение о двух культурах. Его Абай — один из самых передовых представителей казахской демократической культуры того времени. Ауэзов не идеализирует Абая, как не идеализирует он и своего второго героя — народ.

С высоты нашего социалистического настоящего писателю видны и светлые и темные стороны прошлого. Жизнь героев романа, их стремления, их воля скованы

³ М. Горький, Советская литература, ГИХЛ, 1934, стр. 13.

⁴ Материалы по казахскому обычному праву, т. 1, Алма-Ата, 1948 г.

феодално-родовым укладом. Патриархальный быт и обычаи часто, особенно в начале романа, оказываются сильнее их. Абай любит Тогжан. Тяжелые думы овладевают им все сильнее. У него есть невеста Дильда. «У Тогжан тоже есть жених, сговоренный уже давно. Не поехать, не жениться — нельзя: все в воле родителей» (стр. 246), и он едет к Дильде, молчаливый и угрюмый. Покоряясь обычаю, он нахлобучивает на голову малахай с высоким верхом, увенчанный пучком перьев филина, надевает чапан красного сукна и салогии на высоких каблуках. Так требует любимая им бабушка, «Таков обычай предков» (стр. 249—250). Не нарушая обычая, он выполняет обряды первого приезда жениха к невесте: «рукопожатье» и «поглаживание волос», одаривает своячениц и, наконец, по обычаю, остается на ночь с своей невестой Дильдой, которую женге-свояченица приводит в его юрту. Ему тяжело, невеселые чувства наполняют его сердце. Покорившись, «он вернулся к себе, разбитый, внутренне надломленный, точно мгновенно возмужав на несколько лет». (стр. 260). В романе Ауэзова нет «объективного» этнографизма; этнографический материал включается писателем, чтобы ярче и правдивее показать жестокую, кровавую и страшную морду феодално-родового строя. Здесь нет родичей — здесь волки и овцы. Здесь нет идиллий — «жестокая классовая борьба»⁵. Патриархальный быт разлагается под ее натиском. В патриархально-феодалном казахском обществе зреют свежие прогрессивные народные силы. Ауэзов показывает ряд образов нового человека того времени. Его Абай не одинок. Рука об руку с ним борются с бесправием, темнотой и патриархальной косностью Базаралы, Ербол, Даркимбай, Оразбай, Абылгазы, соратники и последователи Абая. Они — вожаки негодующего народа, наиболее глубоко и остро осознавшие передовые стремления масс, энергичные и смелые, но еще темные, еще политически невоспитанные бунтари, как и вся масса трудящихся казахов той эпохи.

На своем трудовом опыте они убеждаются в преимуществе новых форм жизни, развивающихся с присоединением Казахстана к России. Базаралы советует своим друзьям: «Научитесь и вы сосать грудь земли. Объединитесь хотя бы по две-три семьи, вспашите весной хоть одну-две десятины, все силы на это положите и посейте хлеб! А летом — займитесь сеном — мало разве здесь пустует урочищ, лугов, осенних выпасов?... На что вам еще надеяться?... Мало ли среди вас таких, кто думал, что «сородичи сдохнуть не дадут, не сегодня, так завтра помогут», — и остался обобранным?... А поговорка: «Если даже яд пьет твой род, пей его вместе с сородичами», — только для того и выдуманна, чтобы заставить бедняка тащиться пешком за бездельником на коне... Забудьте вы родовые кличи жигитеков, бокенши, мамаев, кокше — у вас клич один: «Жатак Ералы!»... Только единства не теряйте!» (стр. 531—532).

И Абай и его соратники опираются на лучшие народные традиции, традиции коллективности, в своей борьбе за новое. Абылгазы, защищая Орылбая, нападает на представителей начинающего распрюда рода: «Бокенши хотят порвать с нами давнюю дружбу, оскорбить дух наших общих предков убийствами — где же их собственная честь?» (стр. 484), Абай пытается сплотить род Тобыкты, прекратить разгоравшуюся после захвата зимовок вражду между Бокенши и Ирризбаем участием в годовом асе (поминках) Божея. Зная, что в устройстве аса, по обычаю, будут участвовать не только все племя Тобыкты, но и родственники Божея из племени Найман, Абай требует от враждовавшего с Божеем Кунанбая: «Разрешите мне сказать еще об одном деле: об асе Божея. На нас, его сородичах, лежит много обязанностей, а мы их до сих пор не выполнили... Этот ас — проверка человечности, кровного родства, совести. Когда Божей умер, мы остались в стороне. Теперь мы обязаны участвовать в асе!» (стр. 267).

Однако и Абай и близкие ему по духу люди явственно ощущают недостаточность одних лучших патриархальных традиций для создания нового, они ищут средств, облегчающих его рождение, и находят их в передовой демократической русской культуре.

Абай был одним из первых в казахском народе, кто пошел по пути сближения с русской демократической интеллигенцией. Он обратился к Крылову, Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Салтыкову-Щедрину. Ауэзов верно показывает, как обогатило Абая это общение. Казахский народ говорил: «Верь не силе, а правде, несправедливости не подчиняйся, за справедливость стой, хотя бы голову сложить пришлось» (стр. 561). Народные представления о справедливости в сознании Абая оказались благодарной почвой для освоения идей передовой русской демократической интеллигенции. При первых встречах Михайлов говорит об Абасе: «У Кунанбаева есть любопытная черта: он часто говорит о справедливости, о народе и о честном служении ему. Эти три мысли крепко засели в нем, — а ведь они очень близки русской культуре...» (стр. 584). Народная основа убеждений Абая роднит его с крестьянской демократией. Ему по душе горячая защита просвещения, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян. Приобщившись к русской культуре, Абай стал просветителем казахского народа.

Особенности развития казахской духовной культуры в пореформенные годы: не-

⁵ Б. Горбатов, О некоторых проблемах роста казахской советской литературы, «Литературная газета» от 18 декабря 1948 г., стр. 3.

значительный (1,5) процент грамотных, сохранение знаний и законов в устном художественном слове, впитание фольклора, особенно песни, во все стороны народного быта — все это поставило Абая перед необходимостью воспитывать в народе новые социальные и этические представления и передавать ему новые знания устным, фольклорным путем. С отрочества владея искусством певца-импровизатора, начав писать стихи, Абай искал к ним мелодии, творил песни. Ауэзов раскрывает своеобразие творческого метода Абая, повествуя о том, как в казахских степях запела пушкинская Татьяна. Переведа письмо Татьяны, Абай сравнивает свой перевод с оригиналом. «Татьяна говорит иногда слишком обычными словами. Но это — невольная дань ее новым слушателям... Да и то, поймут ли они ее?» — спрашивает он себя. «И снова губы Абая шепчут какие-то слова... Пальцы торопливо перебирают струны. Абай ищет напев» (стр. 765). Перевод становится песней. Он спел ее своему ученику Мухаметжану. Приехав в Семипалатинск, Мухаметжан обучает песне Татьяны сыновей и учеников Абая: Муха, Кокпая, Маговь, Исхака, Шубара. Несколько дней спустя Муха поет ее на свадебной вечеринке рода Уак. Из уст молодых акынов, учеников Абая, песня Татьяны переходит в народные уста. Ее поют на вечеринках, при приезде жениха, при провах невесты (стр. 785, 796). Письмо Татьяны стало народной песней. Оно вытесняет из народного репертуара обрядовую свадебную песню и старую протяжную песню. Сравнивая эту старую песню с письмом Татьяны, иронически говорит Мухаметжан: «Сколько знаменитых акынов собралось, а голоса: «Жеребенок худ, а стригун жирен»... Нет! Уж если слушать песню, так достойную!» (стр. 780). Узкий круг бытовых тем старой дореформенной народной лирики и анимистичность ее образов не удовлетворяют новые поколения, особенно молодежь. В пореформенном казахском фольклоре распространяется жанр лирической любовной песни. Для казахской молодежи 70—80-х годов любовная песня была возможностью открыто требовать свободы. Большинство этих песен наполнено образами молодой любви, борющейся за право чувствовать и право свободно выбирать спутника жизни. Ауэзов включает в свой роман лучшие образцы народной любовной лирики того времени — «Топай-кёк», «Карга», «Гаухартас», «Карагоз», «Баян-Аул»:

Темен над Баян-Аулом низкий полог туч.
Не настиг лисицу сокол среди горных круч.
Но до смерти не забудет твой любимый, знай,
Как шепнула ты за юртой: «Милый мой, прощай!» (стр. 456).

Еще более широкой известностью в народе пользовались обличительные песни профессиональных акынов: Биржан-Сала, Байкокише, Шоже. В них отстаивалось человеческое достоинство, право бедняка жить без оскорблений, обличался произвол родовых старшин, волостных и всяческих других начальников:

Жанботу-волостного родил Карпык,
Жанбота к чипам и власти привык:
Друг его Азнабай средь белого дня
Посылал отнять домбру у меня..
Жанбота!.. Где ты видел такой закон,
Чтоб свободному бить кто-то посмел?... —

пел Биржан-Сал (стр. 450).

В песнях Абая те же темы были слиты с темами просвещения, знания, культуры и общественно-полезной деятельности. Душевный мир его героев был сложнее и богаче, их требования к людям выше.

Ты — мой супруг любимый,
Богом указанный мне.
Не меня избрал ты другом,
Оставил одну во тьме...

— «бращается абаевская Татьяна к Онегину. Ей мало возлюбленного, ей нужен друг и товарищ.

Бессильная перед институтом калыма, бесправная в патриархальной семье, казашка находила в этой песне ясное выражение своих стремлений стать человеком, так же как в песнях Абая о народе находили свои затаенные мечты все новые люди в казахских аулах.

Ауэзов показывает, как песни Абая становятся общенародными, как Абаю удалось преодолеть былую феодально-родовую разобщенность: «Стихи и напевы, рожденные в Акшюкы, переписанные, заученные, распространялись в песнях вокруг. Новые песни, никогда раньше не звучавшие в этих краях, летели на крыльях ветров, неся долгожданный ответ степям, вопрошавшим сквозь многовековую молчаливую дрему. Голос нового племени — они летели как вестники вешних дней... Эти песни звучали для тех, кто ищет новой жизни, новых просторов: для прозорливого ума, для чуткого сердца, для сильных и смелых, полных тревожным дум и готовых к борьбе»... (стр. 791).

По роману мы видим, что творчество Абая обновило казахский фольклор и в репертуаре и в способе бытования, так как песни Абая распространялись не только устно, но и в рукописях. Но, пожалуй, самое основное то, что под влиянием Абая сформировался новый тип авторов фольклора: Муха, Маговья, Мухаметжан — грамотные, начитанные в русских классиках певцы и еще более оригинальный тип художника слова — сказочник Баймагамбет. «Он стал каким-то удивительным явлением, — передает Ауэзов впечатления Абая от Баймагамбета, — единственным среди окружающих его казахов, неграмотно-образованным человеком... Прежние его пересказы казахских сказок, «Тысяча и одной ночи», «Бахтижар», персидских «Сорока попугаев» казались ему теперь давно пройденным уроком» (стр. 671). К лучшим образцам своего старого репертуара он добавляет пересказы Дубровского и других услышанных им от Абая русских романов.

Книга Ауэзова кончается главой «На вершине»; в ней оба героя романа — и Абай и народ — даны на подъеме, с обновленными творческими силами и верой в будущее.

Роман окончен, но писатель полон творческих планов. Он задумал создать книги, в которых развернется дальнейший путь казахского народа к Октябрю и жизнь и труд социалистического Казахстана.

Н. С. Смирнова

«Сын Калева». Эстонский народный эпос. Собрал и обработал Фр. Крайцвальд. Перевели с эстонского Вл. Державин и А. Кочетков. М. Гос. изд-во Художеств. литературы, 1949, 246 стр.

Полноценное издание эстонского народного эпоса «Калевипоэг» («Сын Калевы») в русском переводе, снабженное тщательно сделанными вступительной статьей и примечаниями, впервые делает это великолепное произведение доступным для советских читателей.

Эстонский эпос воссоздан по народным сказаниям, сказкам и песням Фр. Крайцвальдом (1803—1882), выходцем из бедной крестьянской семьи, известным собирателем и исследователем эстонского фольклора, работавшим уездным врачом. В основе эпоса лежит жестокая борьба эстонского народа против немецкого владычества, упорное отстаивание им своей национальной независимости; наряду с этим в эпосе воплощены трудолюбие и стремление к мирной, счастливой жизни эстонцев.

В эстонском эпосе выразилось мировоззрение трудового крестьянства, его мечты, интересы и оценки.

Главный герой эпоса, воплотивший в себе творческую мощь народа, сын Калева — «муж силы богатырской», став «владыкой края эстов», берется за плуг. Стремясь к благосостоянию своего народа, он поднимает новь: распахивая болота, размалывая встречающиеся в земле камни, обращая целину в пашню, выгон для скота и сенокос, сын Калева пашет землю и

...под широкие поляны,
для забав, для игр веселых.

Думая «сеять прибыль», сын Калева едет в неизвестные для всех края на розыски границы мира. Он строит города-крепости для счастья народа и его защиты.

Тема труда занимает в эпосе основное место. Любовь к труду, трудоспособность — отличительные свойства всех положительных героев, главных и второстепенных.

Трудовой опыт сына Калева отмечается с самого же начала его характеристики:

Пастухом он был сначала,
Мужем пашни дюжим вырос.

Одним из наиболее сильных мест эпоса является символическое изображение трудового пота сына Калева, обладающего «тайной силой плодородия», который жадно впитывает земля, превращая его в живительные родники, дающие людям счастье.

Жизнеутверждающим началом звучат песни братьев-богатырей, возвращающихся с охоты; после этих песен расцветает весна, наступает плодородное лето; песни сына Калева подчиняется вся очарованная ею природа: птицы, жители лесов и вод — лени и русалки.

В столкновениях с многочисленными злыми силами, нарушающими мирную и свободную жизнь страны, сын Калева жесток и беспощаден. Проникнув в подземные владения беса рогатого, где на «бессменной барщине» тяжело мучаются «злосчастные рабы», он вступает с Рогатым в грозное сражение.

При вести о нападении чужеземных рыцарей-разбойников, сын Калева обращается к народу с призывом: